

Kowalska-Stus, Hanna

**Университетские программы обучения в области культуроведения
в польских вузах с учетом славянских культур**

Новая русистика. 2012, vol. 5, iss. Supplementum, pp. [33]-40

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125532>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Ханна КОВАЛЬСКА-СТУС
(Краков)

Университетские программы обучения в области культуроведения в польских вузах с учетом славянских культур

Abstract

The modern programmes of teaching (learning) and modern research of cultures are adjusted for standards of modern cultures. These programmes accept suggestions by modern culture instruments. As modern culture is secular, it is possible to marginalize the problem of the religious basis of culture. The source of the problem lies in the acceptance of the Greek rational method of education by the Church. It has been deepened by the norms of education of enlightenment which are current today. The basic values and phenomena of Cristian culture are not taken into consideration.

Key Words: cultural studies; cultural roots of enlightenment; the Bologna Declaration

Культуроведение является, с формальной точки зрения, молодой дисциплиной науки (в Польше с 2004 г.) и обучения (90-ые годы). Это конечно не значит, что раньше никто не занимался этой проблематикой. Анализируя университетские программы обучения культуроведения легко определить насколько их целью является ознакомление с онтологическими основами конкретной культуры.

Дефиниций культуры огромное количество, однако, в связи с нашей темой учтем самые существенные параметры культуры, такие как: человек, мир, религия, история, государство, искусство. Это постоянные составные выступающие во всех культурах. Сегодня существенной проблемой, связан-

ной с современным менталитетом, воспитанным на идеологии просвещения, является убеждение, что человек – единственный создатель культуры и главным, ограничивающим его творчество, фактором является природа или другой человек. Потому в настоящих программах обучения и исследованиях преобладает менеджментски-экономический и социологический подход. Религия воспринимается как результат человеческой активности, как составная ее часть. Исходя из чисто антропологической перспективы авторы программ, преимущественно социологи, как аксиому провозглашают идеи: открытого общества, мультикультурности, отсутствия объективной правды, толерантности. Потому большинство программ построено согласно этому способу мышления и сосредоточено на проблемах: культура высокая и низкая, субкультуры: молодежная и для взрослых, культура городская, тюремная, солдатская. Каждая из них рассматривается индивидуально, без отнесения к высшим нормам, национальной традиции, при помощи своеобразного методологического аппарата созданного на социологической основе. Созданный при помощи такого метода образ культуры является или большим обобщением или показывает калейдоскоп фрагментов.

Хотя это может показаться странным, но суть наших современных преобразований в области образования скрывается в истории европейской школы. Здесь необходимо учесть факт, что в древнем мире только греческая культура создала школу. Она была результатом греческого космического мировоззрения, ее задачей было ознакомить с правилами управляющими космосом, элементом которого является человек. Школа преследовала практические цели, ознакомляла с философией природы, но учила также смирению человека, убеждала, что он подчинен этим правилам. В начале христианства греки покинули школу, новое мировоззрение направило их в сторону монастыря. Восприятие бытия при помощи *ratio* заменили созерцанием и мистикой, так как узнали они о Боге – создателе *ex nihilo* всего окружающего, в том числе и правил, которые не извечны. Тогда греческая школа не прекратила свое существование, но ее место в культуре стало второстепенным.

Ситуация эта изменилась в период ренессанса. Эkleктика ренессансного мировоззрения поставила новые цели перед системой воспитания и обучения молодежи. В латинском мире наблюдаем тогда постепенное пресыщение христианства античной культурой. Примером может служить творчество Леонардо да Винчи: сопоставление Иоанна Предтечи и Дионисоса, Девы Марии и Гебе. Это привело к пониманию человека в контексте античного натурализма. Последствием этого было:

1. понимание культуры как проявления внешней активности человека,
2. система обучения и исследования культуры сосредоточивается на эффектах так понимаемой активности,

Университетские программы обучения...

3. результатом этого, а также других исторических и политических причин, является сукуляризация культуры.

Эстетика уже с XV столетия перестала обязывать искусство к отражению онтологической правды и сосредоточилась на способах выражения красоты в мире. Наступил поворот к древней великой теории Пифагора и дуалистической теории Платона, которые убеждали, что идеальная структура произведения отражает красоту абсолюта в материи. Все это привело к отделению бытия от онтологических основ и образованию методологии рассмотрения всех объектов на уровне культурного символа, некоего знака.

Именно тогда пробудился интерес к древним римским традициям, где идеалом был человек активно завоевывающий окружающий мир. Умственный труд, постоянное пребывание в школе римлянин воспринимал как ребячество. Потому школа должна была готовить к активной жизни.

Греки в образовании придерживались идеи паидеи, стремились к правде. Римляне старались приобрести практическое умение. В христианское время различия приобрели другой уровень. В IV столетии появились монастырские школы, которые источником знаний считали Евангелие, строили аскетические и созерцательные методы отношений человека к окружающему миру, ставили перед собой цель духовной перестройки человека. Выразителем такого просвещения был Симеон Новый Богослов (949–1022), который весьма критически относился к античной модели просвещения за ним следовали исихасты: Григорий Палама и Григорий Схолярый. Спорил с ними Михаил Пселл (1018–1096) – философ, Григорий Гемист Плифон – поколения ренессанса возрождающие культ философии.

Философы посвящали внимание риторическим упражнениям, анализу текстов, комментариям. Материалом служила, прежде всего, античная литература, но также Священное Писание, письма Отцов Церкви. В отличие от монастырей, где в центре внимания оставался человек, здесь занимались текстом. Сверх того контакт с текстом служил формированию мировоззрения. Литература, как основа, средство и цель эдукации способствовала видению мира посредством текста, аналитическому подходу, раздроблению. Удивительно, но Священное Писание служило, как материал для философских и грамматических анализов.

Суть христианской школы следующими словами описывает латинский Отец Церкви – Тертуллиан:

Если Господь Иисус Христос послал апостолов проповедовать, нельзя признавать других проповедников, кроме назначенных Христом, ибо Отца никто не знает, кроме Сына и того, кому Сын открыл (Матф. 11,27); а Сын, как представляется, не открыл никому, кроме апостолов, и послал их на проповедь того именно, что Он им открыл. А то, что они проповедовали (именно то, что открыл им Христос), нужно (возражу и здесь) доказывать

не иначе, как через те же церкви, которые сами апостолы основали, когда проповедовали, как говорится, и живым словом и впоследствии через послания. Если это так, тогда ясно, что всякое учение, единодушное с этими апостольскими церквями, прародительницами и основательницами веры, нужно считать истинным; в нем, без сомнения, содержится то, что церкви получили от апостолов, апостолы – от Христа, а Христос – от Бога. Все же прочие учения нужно считать ложью, ибо они противны истине церковной, апостольской, Христовой и Божьей.¹

Из этого следует, что школа должна придерживаться учения Церкви. В противоположном случае:

Стало быть, нам остается доказать, что это наше учение (Правило его мы привели выше) следует причислить к преданию апостольскому, а все прочие тем самым коренятся во лжи. Мы имеем общение с церквями апостольскими, ибо у нас нет различия в учении: таково свидетельство истины.²

В латинской системе обучения реформа началась с Парижского университета в 1452 году.³ С тех пор преобладала схоластическая методология основана на философии и логике Аристотеля в христианской интерпретации св. Фомы Аквинского. Однако схоластика, как метод интерпретации породила проблему ограничения свободы автономного разума догмой. Последствием стала секуляризация разума. На первый взгляд проблема эта может казаться отдаленной от нашей ведущей темы. На самом деле, однако, позволяет нам определить сложность вопросов связанных с изучением культуры. В западной системе культуроведение, как дисциплина науки, подчиняется рационалистской методологии, которая в стороне оставляет эсхатологические вопросы касающиеся человека. Все остальное: Космос, природа редуцируются до философии природы. Культура рассматривается с одной стороны, как проявление человеческой активности а с другой не составляет вместе с ним синтетического целого. Согласно этой концепции, люди, как индивиды или общественные группы создают в микрокосмических пространствах объекты культуры. Множество этих, не связанных друг с другом, объектов нуждается в расследованиях, анализах и интерпретациях. Общий знаменатель для них строится в рамках наук: философия культуры, социология культуры, теория культуры, история культуры.

¹ Квинт Септимий, Флорент Тертуллиан, О прескрипции [против] еретиков, [Http://www.wco.ru/biblio/books/tertul2/main.htm](http://www.wco.ru/biblio/books/tertul2/main.htm)

² Ibidem.

³ Por.: S. Swierzawski, Istnienie i tajemnica, Lublin 1993, s. 179–180.

Университетские программы обучения...

Хорошую перспективу для этой проблемы нашел современный русский философ – Хоружий. Он обращает внимание на факт, что человек, как со-творенное бытие является началом диалога, стремиться к преодолению смерти. Сам этот факт, подчеркивает Хоружий, способствует созданию единого культурного пространства.⁴

Однако в современной культурологии роль общего знаменателя продолжает играть семиотика. Потому в минимум программы культуроведения в Польше семиотика культуры предмет обязательный. Семиотика выполняет роль *lingua franca* современного культуроведения. Она определяет методологический подход даже в исследовании чисто церковных христианских явлений.

Здесь необходимо выразить несколько слов критики в адрес семиотики, так-как русская семиотическая школа до сих пор играет ведущую роль в славянском культуроведении.

Предметом анализа русских семиотиков были: язык, литература и историко-культурные явления. Семиотические исследования характеризовались созданием оппозиционных бинарных моделей типа: свой – чужой, христианский – языческий, верх – низ, старое – новое. Эта интерпретционная система строилась на определенной системе понятий, нередко слишком отдаленных друг от друга. Юрий Лотман и Борис Успенский нп. писали на тему отщепенства опираясь на примере столь отдаленных друг от друга понятий как: шаманство, Греция, римская Европа, церковный клир, негр, врач, интеллигент, усопший человек, разбойник, кат, рекрут.⁵ Семиотические исследования, являющиеся часто наследством структурализма, характеризовались своеобразной несогласованностью. Базировались они на материале искусственно созданной структуры. Бросающаяся в глаза «искусственность» семиотических начинаний по отношению к культуре видна в работах Дмитрия Лихачева на тему карнавального стиля высказываний Иоанна IV а также А. Панченки о юродстве как зрелище.⁶ При этом Паченко описывает личность юродивого с учетом богословских принципов интерпретации, впоследствии бросая теологические инструменты, чтобы доказать, что поведение юродивого можно увидеть в конвенции зрелища, где каждый жест исполняет определенную коммуниктивную функцию. Юродивый отождествляется с мимом или актером (с. 139).

⁴ С. Хоружий, О старом и новом, Санкт-Петербург 2000, с. 52–53.

⁵ J. Lotman, B. Uspienski, „Odszczepieniec” i „odszczepieństwo” jako pozycje społeczno-psychologiczne w kulturze rosyjskiej – na materiale z epoki przedpiotrowej [w:] Semiotyka dziejów Rosji, wyb. i przekł. B. Żyłko, Łódź 1993, s. 62–77. Здесь приводятся польские переводы русских работ в доказательство их популярности.

⁶ Semiotyka dziejów Rosji, op. cit., ss. 89–100 i 101–150.

На внимание заслуживает факт, что в работах русских семиотиков марксистскую интерпретацию истории акцентирующую общественный конфликт заменило убеждение, что источником этого конфликта являются культурные коды, в том числе языковые.

Семиотика предъявляла претензию на универсальный метод, который вынужден был опираться на универсальный объект. Таким объектом стала культура, в границах которой поставили между другими также религию и Бога. Применение общего знаменателя к явлениям различных категорий, замечает Александр Пятигорский, привело к ситуации, что семиотические характеристики приобрели метафорический характер, хотя семиотики приписывали им онтологическое значение. Он сам как бывший семиотик, с перспективы времени так относится к этому явлению: «Так, метод бинарных оппозиций превращался из рабочего метода описания чуть ли не в закон природы описываемого объекта».⁷ Семиотиков обвиняли также в том, что они не в состоянии избавиться от мифологического сознания и при помощи общего понятия – текст, они блуждали между литературой, языком и культурой. Пятигорский утверждает, что в работах семиотиков имеем дело с натурализацией культуры (с. 326), и это отразилось в Лотмановой идее семиосферы. Онтологизацию семиотики Пятигорский называет наивным номинализмом.

Семиотический метод, как утверждает Борис Гаспаров, не может оставаться в чистом состоянии и стремиться к перевоплощению в натурализм или историософию.⁸ Колебания семиотика – историка выражает стягья Бориса Успенского *История sub specie semioticae*,⁹ в которой автор сосредоточивается на одном историческом явлении – правлении Петра Великого. Его интерпретация подчиняется языковым кодам. Создает это впечатление семиотизации поведения Петра и его противников. При таком сопоставлении исследователь спасается введением понятия *семантика*. Все это напоминает известную сказку о новых нарядах короля, который ходил нагишем.

Следующая трудность скрывается в том, что историю на всех факультетах, где изучают культуроведение, преподают, как правило, в ее политическом аспекте. Из так понимаемой истории исчезает христианство как культурообразующий фактор, не говоря уже о культурных разновидностях христианской истории. Это является особенно большим недостатком, когда речь идет о балканских конфликтах или совместной истории Польши и России. А ведь прежде всего конфессиональные различия имели влияние на совместные отношения и культурные расхождения.

⁷ А. Пятигорский, Заметки из 90-ых о семиотике 60-ых годов, /в:/ Ю. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, сост. А. Кошелев, Москва 1994, с. 325.

⁸ Прив. за *ibidem*, с. 328.

⁹ В. Uspienski, *Historia i semiotyka*, тл. i Wstęp В. Żyłko, Gdańsk 1998, s. 53–61.

Университетские программы обучения...

Отдельной проблемой является рациональный метод, заложенный на исследовании документов, который история навязала истории культуры. На этом фоне доходит до парадоксов, когда исследователи упрекают русских летописцев в не историческом подходе.

Наконец необходимо обратить внимание на проблему языка. В Ягеллонском университете на Факультете Международных Отношений и Политических наук существует уникальная программа, на основании которой студенты культурологии изучают всесторонне культуру данного региона (Россия, Украина, белоруссия, Америка Северная и Южная, Ближний и Дальний Восток).

Особенно программа россиеведения построена так, чтобы студент получил знание о России как едином культурном пространстве. Потому особое внимание уделяется православию как культурной основе России. Кроме постоянного обращения внимания, в рамках почти всех предметов, на православные источники большинства явлений, преподаются такие предметы, как: православная культура Византии, русско-византийская культура, русская духовность, русский менталитет, русская мысль.

В других польских вузах (Варшава, Вроцлав, Познань, Гланьск, Люблин)¹⁰ в программах культуроведения нет даже основ славянской культуры. Изучают они историю западноевропейской культуры плюс отдельные проблемы, такие как: искусство, архитектура, театр, фильм, разные субкультуры, философия, социология и антропология культуры. Даже в католическом вузе в Торуни программа построена по вышеуказанному принципу. Как ни странно в этой программе присутствуют следующие предметы: социальное учение католической Церкви и религии мира.

В противовес этому в краковской системе обучения огромную роль играет знание языка данной культуры. Программа культуроведения отражает синтез изучаемых культур, где религия понимается как культуuroобразующий фактор. Однако преобладающая в Польше система обучения, которая между прочим, пользуется исключительно английским языком, рождает «специалистов» нп. в области политологии, которые знают о России или о Китае только то, что доступно на английском языке. Они не в состоянии выработать настоящее воображение о данной культуре, потому что она им не доступна в оригинальном виде. Современная методология даже не осознает этой ошибки рассматривая все проблемы на уровне антропологии культуры или семиотики культуры.

¹⁰ Программы см.: <http://www.kulturoznawstwo.uni.wroc.pl/>; <http://www.umcs.lublin.pl/jednostki.php?id=1438>; <http://www.wns.amu.edu.pl/instytut.php?v1=2>; <http://www.ikp.uw.edu.pl/>; <http://www.kulturoznawstwo.fil.ug.edu.pl/>; <http://www.wsmip.uj.edu.pl/iriew-uj2>; <http://www.wsmip.uj.edu.pl/katedra-bliskiego-i-dalekiego-wschoodu3>; <http://www.wsmip.uj.edu.pl/iaisp-uj2>.

Сам подход к английскому языку как к универсальному посреднику рождает убеждение, что язык а затем также культура лишены духовных ценностей. Английский язык как орудие знакомства с другими культурами обезличивает эти культуры. Из поля зрения в современном мире исчезает факт, что существует славянское языковое единство. Никого уже не удивляет, что поляк с русским или чехом разговаривает на английском. Они даже не подозревают, что могут легко понять друг друга говоря на родном языке.

Необходимо учесть также факт, что в создании целостной системы изучения данной культуры, с учетом культуротворческой роли христианства или другой религии мешает болонская система. Проблемы, которые она рождает это прежде всего:

- согласованность с нуждами актуальной политической и экономической системы,
- исключение из программ проблематики, которая с трудом переводится на язык современной культуры,
- рассеянность содержания обучения, студент в 30 % сам строит свою программу. Это делает невозможным формирование авторской программы в данном вузе,
- корректура программы подчиняется ситуации на рынке труда, надо быстро снабдить студента в инструменты полезные в будущей работе.

Подводя итоги необходимо подчеркнуть, что программы обучения и современные исследования в области культуроведения стремятся подстроиться к современной культуре, к ее стандартам. Они учат, как жить в ее рамках, одобряют ее требования, пользуются предложенными ею инструментами. В связи с этим наблюдается маргинализация фундаментов культуры. Необходимо однако учесть факт, что вина не остается в сто процентах на стороне секуляризации современной культуры. Первородный грех начался вместе с воцарением схоластического метода в церковном образовании.